

**Галина
Губайдулина**

**КОЛОНИСТЫ
2 часть**

18+

Галина Губайдуллина

Колонисты. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Губайдуллина Г. И.

Колонисты. Часть 2 / Г. И. Губайдуллина — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Прошли годы. Пенджаб, город Мога. Праздник Вайшак с обсыпанием краской, гонкой мулов, поло на слонах и другими развлечениями. Хьюго Стронгхольду нравится Рут, но та выбирает Эллери Данкарта. Хьюго 2 раза спасает неказистую Дороти и из жалости женится на ней. Лайнус Стронгхольд делает любовницей Бианку и постоянно изящно огрызается на балах с юной Элизабет Кьюб, которая тоже к нему иронически придирается. Хитер любит Нолана Стронгхольда, но тот занят лишь красителями для тканей и рассматривает её, только как ценного лаборанта. Нолану хочется жениться на Ингрид Данкарт. Как сложатся их судьбы?

© Губайдуллина Г. И., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Второго августа 1.858-ого года королева Виктория объявила конец Ост-Индской компании, парламент принял решение о передаче Индии правительству Англии. А 1 ноября 1.858-ого года был назначен первый вице-король Индии, он же генерал-губернатор, Чарльз Каннинг.

К весне 1.859-ого года сопротивление мятежников-сипаев британские войска окончательно сломали.

Индийские феодалы вероломно убили последних вождей восстания – проповедника Маулави Ахмад-шаха, который после взятия Лакхау руководил партизанской войной в Рохилкханде и Ауде, и также местные князья убили Рамчадру Пандуранга, называемого Тантиа Топи, который был правой рукой Нана-Сахиба. Не нашли только Нана-Сахиба, видимо, он бежал из Индии. Уходя из Капнура, Нана-Сахиб убил заложников – английских женщин и детей. Сипаи отказались их убивать, тогда с рынка вызвали четырёх мясников, те расчленили тела англичан тесаками.

8-ого июля 1.859-ого года в Индии провозгласили мир.

В 1.863-ем году в Пенджабе бунервалы – беглецы из сипаев поднимали восстание, попутно их соседи – племя Малаканда из Свата под предводительством Саид Акбара объявляло британцам священный джихад, но бунт быстро подавили.

13 апреля 1.873 года. Бывшее княжество, а ныне британская провинция со множеством княжеств Пенджаб. Город Мога.

На улицах народ празднует Вайшак – начало нового солнечного года и праздник сбора второго урожая, поспевают пшеница. Первый урожай риса собирают в начале января и с пятнадцатого по девятнадцатое число тоже праздник. Торжество Вайшак особенно почитаемо в Северной Индии. Люди украсили себя фиолетовыми, белыми и розовыми цветами. Индусы обильно обсыпали друг друга цветной пудрой и поливали подкрашенной водой в честь праздника.

За городом идут соревнования на мулах, британцы играют в поло на слонах.

Двадцатидвухлетний Эллери Данкарт в светлых одеждах восседал на слоне с синей попоной и треугольной накидкой, кожа слона расписана розовыми цветами и жёлтыми листьями, они выступали против двадцатишестилетнего Нолана Стронгхольда, одетого в тёмно-зелёное, который управлял слоном, обряженным в жёлтую накидку, с расписанной разноцветными звёздами кожей. Голову Нолана прикрывал шлем колониста, у Эллери из под шлема развивались ниже плеч ухоженные белые в кудряшку волосы. Слон блондина весело гонял мяч по полю, глаза Нолана постоянно искали в толпе Ингрид Данкарт.

Рудольфа Стронгхольд в малиновом наряде, в свои 44 года, всё ещё притягивала взгляды мужчин, наблюдая за старшим сыном, она улыбнулась – дочь соседа была самой красивой невестой в аристократической среде этого города.

Её средний сын двадцатичетырёхлетний Хьюго в форме лейтенанта не сводил глаз с Рут Виллалонга, привлекательность этой девушки была пикантна – крупный нос, пухлые губы. Её отец Полл Виллалонга – состоятельный бизнесмен, но его 3 дочери присутствовали на празднике в очень скромных платьях бледно яблочного цвета. В отличии от старшей сестры Ив и Уоллес были светлокудры, как отец.

С победным ликованием Эллери спустился со слона, и Рут Виллалонга бросилась к парню с букетом тёмно-розовых цветов. Хью сник.

Мужчины нынче носили цилиндры на голове, элегантные костюмы, которые казались на размер-два больше, чем нужно. Светлые галстуки, бабочки, дорогие булавки, запонки, цепочки для ключей и часов.

В конце 1.860-ых годов кринолины изменились: передняя часть сплюсчилась, и металлический колокол превратился в полукринолин, в кринолетт. Под зад стали подкладывать турнюр

– подушечку из ваты или пуха, которая крепилась на талии. 7 юбок, наконец-то вышли из моды, ограничиваясь двумя. Огромные шляпки и капоры тоже вышли из моды, сменившись на маленькие шляпки. Парасоли от солнца всё также были у каждой дамы.

Иден Данкарт, ещё не совсем старик, но уже жестоко разбитый подагрой, его распухшие ноги едва помещались в большие туфли. Он понуро сидел в инвалидном кресле под тенью деревьев. Возле него болтали приехавшие погостить престарелые родственницы – мать зятя Вайолет Кьюб со своей кузиной Багси Найт, которую сопровождал её сын непримечательной внешности, двадцати четырёх лет – Иган Найт. Молодой человек заботливо поддерживал за локти Ингрид Данкарт и Элизабет Кьюб. Он также вёл с дамами беседу. Платье Ингрид из материи хамелеон играло с персикового на сиреневый цвет и было украшено ярко розовыми бантами. Либби надела белое платье с голубыми цветами, отделанное голубой шнуровкой и белыми кружевами. Белое платье и белые волосы делали девушку ослепительно белым пятном в толпе. Элизабет была хорошенькой, но на фоне великолепной красавицы тётки-погодки проигрывала. А её немного пышную фигуру белый цвет полнил ещё больше.

Вайолет Кьюб сплетничала с кузиной:

– В прошлом году наша королева Виктория наконец-то после смерти мужа, принца Альберта, умершего в 1.861-ом году, впервые за эти годы появилась на улице, на публике.

Багси Найт напоминала:

– И сразу на неё напал бандит с пистолетом! Хорошо, что слуга-шотландец Джон Браун спас королеву, ему дали медаль за храбрость.

Иден Данкарт хихикнул:

– Даже до нас дошли слухи, что с этим Брауном королева тайно обвенчалась в Шотландии в Глазго в 1.866-ом году. А у самой королевы настоящий отец – Джон Конрой, отставной капитан ирландской армии, друг короля Эдуарда, а после его смерти управляющий собственностью вдовы короля.

Не обращая внимания на эти смелые догадки, миссис Кьюб сетовала:

– После смерти королевы на кого ляжет бремя власти? На этого принца Уэльского Альберта Эдуарда, по прозвищу Берти, который в притонах пропадает день и ночь?

Её кузина поддакнула:

– А ещё он пьяница и картёжник.

Старик Данкарт обратил внимание на очаровательную девушку с рыжеватыми волосами в элегантном красном платье из недорого материала, девушка несла лимонную воду.

Он окликнул её:

– Если Вы ангел, то быстрее возвращайтесь на небеса, иначе из-за Вас начнут совершаться неблагоприятные поступки, и Бог рассердится.

– Я бы вернулась, но кто-то спрятал мои крылья, – шуткой на шутку отвечала красавица, – Но разве может ангел вызвать в людях желание к неблагоприятным поступкам?

– Ещё как может! Как бы преступленью не свершиться...

– А я думала: красота даётся людям во спасение...

– Совсем наоборот. У слабонервных граждан от красоты сносит голову.

– Вы меня напугали. Деньги меня не защитят от напастей, потому, что их в нашей семье их нет. Вы узнаете, что я – служанка и тоже отвернётся. Привилегированное общество обычно морщит нос от класса ниже.

– Происхождение моих знакомых – их же предмет гордости. Но это отнюдь не показатель благородства. Ваше имя, мисс?

– Бианка Харфаух, милорд. Я пришла сюда с Рудольфой Стронгхольд.

К Идену Данкарту подошёл друг Полл Виллалонга. Мужчины пожали друг другу руки.

Полл шутил:

– Заигрываете с молоденькими, мистер Данкарт?

– Увы, на меня смотрят уже не плотоядно, а сочувственно. Прелести бытия со временем подменяются на страдания тела от болезней. Почему-то мне при жизни приходится рассчитываться за грехи: больной печенью за хороший аппетит и лишнее спиртное, больным сердцем за чрезмерную влюбчивость, больными почками по тому же поводу и больными ногами за неусидчивость. Мне остаётся только: созерцать, молчать и завидовать молодым.

– Я смотрю, моя дочь Рут крутится возле Эллери, а я, признаться, мечтал заполучить в зятя Осмунда.

– У Вас есть ещё две дочки, старина. Может, Осмунд женится на одной из них... А Осмунд рассказывал, что в детстве, когда они прятались от сипаев в Рампуре, Рут и Эллери всегда вместе играли. Их тогда уже тянуло друг к другу.

– Моей Ив 10 лет, а Уоллес 8 лет, – закивал друг, – Осмунду 24 года, что ж... Лет через 5 Ив будет 15, тогда как Осмунд ещё будет в расцвете, если он, конечно, не привезёт жену с тех краёв, где работает. Где он, кстати?

– Всё ещё инженер на железной дороге. Сейчас в числе других специалистов руководит строительством путей: Джарджилинг-Гималайское направление. Работы ведутся на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря.

– Джарджилинг – курортный район, как и город Шимла, – закивал Полл, – Всё-таки, я думал, что Осмунд вырастит военным...

– Я говорил ему: «Ты умён и расчётлив, но не хочешь служить офицером... Почему?» Он отвечал: «У меня всегда стоят перед глазами лица убитых сестёр, матери и индусов, когда я вижу военную форму».

– Как дела на молочном заводе?

– Не важно. Эллери – мот и слюнтяй.

– Не очень-то Вы лестно отзываетесь о женихе моей дочери.

– Мой второй сын больше занят своей внешностью и одеждой, чем бизнесом.

– Вразумляйте его, вразумляйте. Он – молод и своенравен, надо ему подсказывать.

Слон Нолана гладил хозяина хоботом по голове. Тот дал животному банан. Слон осторожно ощупал хоботом карманы Нолана под хохот детворы, достал ещё пару бананов.

Наблюдая за слоном Нолана, Ингрид воскликнула:

– Боже, как прекрасен мир! И в каждом существе любознательная, пытливая душа, ищущая красоту, любовь и приключение... совсем, как люди...

Иган Найт заметил:

– Я слышал, что перед игрой в поло, слонов долго держат на цепи, плохо кормят, бьют, чтобы они были злые.

Ингрид сделала заключение:

– Значит, Нолан Стронгхольд лояльно относится к своему слону, тогда, как мой брат Эллери действительно злоупотребляет дрессировкой.

Рудольфа Стронгхольд ворчала на служанку Бианку:

– Ты целый час несла лимонную воду! Заведи себе черепаху, будет у вас в семье две черепахи.

Хьюго пожаловался матери:

– Как этот инфантильный Эллери мог уговорить импозантную Рут выйти за него замуж?

– Ничего, Хью, ты найдёшь жену ещё красивее, не завидуй, – успокаивала его Руди.

– Да разве лучше Рут бывают девушки?

– Облекаешь её фигуру в значительное и значимое существо... Ты лепишь из неё неправдоподобный объект. А она всего лишь человек, а не богиня.

Кто-то из толпы обсыпал Рут и Эллери розовой пудрой. Девушка рассмеялась, парень сначала сморщился из-за испорченного костюма, но затем улыбнулся, видя, как беспечна его избранница.

Рут успокаивала жениха:

– Индийцы верят, что, если пометить человека краской в праздник, то это принесёт счастье в будущем году.

– Индусы говорят, что именно в этот день года Брахма сотворил наш мир.

Лайнус Стронгхольд, завораживающе красивый молодой человек девятнадцати лет, совсем не по аристократически выражал крайние эмоции на бегах мулов. Он кричал и махал руками.

Стараясь перекричать толпу, Лэнс подавал команды слуге:

– Суреш, вправо мула веди! Поддай мулу ногой!

Почва была ещё мокрая на поле после уборки риса, погонщики буйволов бежали сзади своих быков, держась за их хвост. Некоторых быки просто волокли по грязи. У многих буйволы были медлительны или упрямо стояли, некоторые животные лениво брели, невзирая на крики погонщиков. Буйвол Лайнуса Стронгхольда не работал в поле, не был загнан работой, он пришёл вторым.

Иден Данкарт подозвал гостью-родственницу и говорил ей:

– Дорогая миссис Кьюб, подойдите лично вон к той женщине в малиновом платье и пригласите на бал её с сыновьями. Её старший Нолан пялится на мою Ингрид весь день, а он – процветающий предприниматель, и братья его в почёте: малый Лайнус – вёрткий, вон уже не только брату помогает, но и отправляет фрукты в Англию, да и Хьюго быстро продвигается по службе, хотя в 1.871-ом году английский парламент упразднил покупку чинов в армии... Нам ещё и Элизабет надо пристроить... Даму зовут Рудольфа Стронгхольд.

– Это та, что осталась с тремя детьми без мужа и не пропала? – переспросила родственница.

– С её-то деньгами она и с десятью детьми бы не пропала! – хмыкнул офицер на пенсии.

Вдова Стронгхольд заверила престарелую леди, что непременно приедет с семейством на бал.

Она задумалась, вспоминая, как Нолан уговаривал её вложить последние деньги в ткацкую фабрику.

Они тогда за завтраком пили серебряный чай: 3 верхних листа, только что распустившихся имеют серебристый оттенок.

Белые стены столовой украшены лепниной. Три хрустальных небольших люстры над круглым столом. Резной шкаф с посудой и стеклянными дверцами.

Интересные стулья: ножки из листьев, боковины из обилия листьев, сиденье и задняя часть для спины из малинового бархата, по которому деревянные листья пробираются на верх, где образуют пучок.

Узкие шторы белые в крупный чёрный узор пущены поверх малиновых штор с белой бахромой. Коричневый лабрикен.

Нолан говорил:

– Качество индийских тканей превосходит английские аналоги! Английская ткань груба и толста. Надо создать ткацкую фабрику здесь, призвать к сотрудничеству индийских ткачей и вывозить продукцию в другие страны. В своей домашней лаборатории я исключил жирные мыльные глины для валки сукна и кожи, как устаревшие и малоэффективные, я разработал новые, химические элементы для отбеливания готовой продукции. Придумал новые и усовершенствовал старые красители для тканей.

Рудольфа замерла с чашкой чая.

– Мама, мои логические доводы показались Вам малоубедительными? В Индии многие делают карьеру.

– Нолан, но ты так молод!

Хью встал на сторону брата:

– Мама, помоги ему! Дай ему шанс раскрыть свой талант!

Лэнс поддакнул:

– Он так любит свои скляночки и отвратительные порошочки...

Руди поставила чашку на стол, возмущалась:

– Вы, что, все заразились этой дуростью? Вложить все деньги в сомнительное мероприятие?

Хьюго пугал мать:

– Если он сейчас не попытается, после уже на его мечту не будет денег.

– Зациклились на этой идее!– не уступала Рудольфа.

Нолан взмолился:

– Мама, прошу тебя, поверь мне. Я и подходящее помещение подыскал по сходной цене. Женщина смягчилась, но всё же голос её дрожал, когда она переспрашивала:

– Это последние сбережения... Нолан, ты уверен в эффективности предприятия?

– Мама, дай мне шанс реализовать мечту. Деньги могут разойтись по мелочам, а так капитал будет вложен в дело, которое начнёт множить доходы. Пойми, чтобы деньги не кончались, они должны быть инвестированы в дело. Иначе накопления просто кончатся.

– Хорошо, вкладывай капитал во что считаешь нужным. Ты вырос и стал главным в семье.

Счастьем озарилось лицо Нолана. От волнения он не мог ничего съесть.

Мать спросила среднего сына:

– Что хочешь предпринять ты? Будешь помогать Нолану?

– Нет. Я пойду на военную службу.

Руди едва не заплакала, переспрашивала:

– Ты, как отец, хочешь убивать людей? Командовать массами?

Сын упорно молчал.

– А что ещё я могла ждать от сына, который полностью повторяет внешность своего отца?– вздохнула она и встала из-за стола.

Рудольфа отогнала воспоминания и пошла смотреть соревнования борцов, которые съехались на праздник Вайшак.

Индийские борцы кушти, обмазанные красной глиной, разминались перед боем: поднимали каменные гири, бросали брёвна, отжимались, приседали на одной ноге, вытягивая вторую ногу вперёд. Эти борцы почитают бога обезьян Ханумана.

Младшие дочери Полла Виллалонга завизжали и счастливо засмеялись, когда в небо взмыли сотни ярких воздушных змеев.

В вестибюле своего дома Лайнус складывал в дорожную сумку сопроводительные документы.

Нолан, выкладывая деньги на стол, напутствовал:

– Не забудь отдать документы поверенному лицу. Это на дорогу.

– Ты всегда говоришь одно и то же,– поморщился Лэнс.

– Деньги за свой груз я уже получил.

Младший брат кивнул.

– Хлыщ,– ругнулся по-доброму Нолан, оглядывая собравшегося в дорогу.

– Щёголь,– поправила мать, убирая с костюма Лайнуса невидимую пылинку.

Нолан вспомнил, как младший брат был неуклюж в его лаборатории: всё опрокидывал. Да и к тому же неусидчив по натуре, всё хотел бежать играть.

Вспомнилось, и как Нолан ударил подростка Хью ремнём по спине. Средний брат взвизгнул и заплакал.

А Нолан кричал на него:

– Идиот! Зачем открыл эту склянку?! Ты ведь мог надыхаться ядовитым газом или сжечь руки до костей этой кислотой! Может, ты вообще хочешь взорвать мою лабораторию?

– Но ведь всё на месте!– заревел обиженный Хью.

– Не смей больше переступать порога моей лаборатории! Здесь нет игрушек!

И позже Хьюго заявил, что ноги его не будет в лаборатории, видимо, затаил злобу, да и сообщил, что с лошадьми ему интереснее, они ему благодарны за уход, а от склянок признания не дождётся.

И вот, корпая над очередным опытом, он заметил, что девочка-служанка Хитер Харфаух, всегда услужливая и обходительная, отложила тряпку для протирки, и заворочено наблюдает над колдовством господина.

Он окликнул её:

– Ты так и будешь прохлаждаться в бездействии весь день или, всё же, поможешь мне?

Высыпь этот порошок в ту жидкость.

Девочка живо интересовалась:

– А это что? А вот здесь что?

– Купрум, медь по-другому. А это станнум – олово.

– Зачем заменять всем известные названия типа «медь» на малопонятное «купрум»?

– Так называются вещества в химии. А хочешь мне помогать? Буду платить тебе, как взрослому лаборанту.

Глаза Хитер разгорелись.

– Здесь так всё увлекательно! Я мечтаю сама соединять вещества в новые растворы.

Мать тогда, заслышав о новой сотруднице лаборатории, возмутилась:

– Со временем репутация Хитер может пострадать!

– Что мне до репутации какой-то там прислуги?– пожал плечами Нолан.

Девочка росла невыразительной, как её отец, но со светлыми волосами, как у матери. И Нолан совершенно её не замечал, как представительницу противоположного пола. Она стала ему соратницей и помощницей.

Рудольфа у дверей дома напутствовала уезжающего на учения Хьюго:

– Будь осторожен, душа моя. В Индии полно опасностей, она кишит болезнями, дикими зверями и соблазнами.

Мать обняла среднего сына, поцеловала в щёку. Слёзы выступили на её глазах.

20 апреля Лайнус ехал на бал к Данкартам в карете с Ноланом, он спрашивал у старшего брата:

– Повеселиться с девицами – это, конечно, неплохо, но вдруг их мамы-матроны сочтут, что я клеюсь к их дочерям?

– Главное: не оставаться с барышнями наедине! А так, посещение салонных приёмов вполне безобидное развлечение, ты совершенно безопасно для своего безымянного пальца можешь пофлиртовать с любой девицей.

– Что проку от пустых разговоров?

– А мне нравится болтать с противоположным полом. Если проститутки своей доступностью вгоняют в краску, то от близости благородных девиц совсем иной пыл. Фантазия дорисовывает то, что они тщательно прячут за корсетами.

– Какой ты, право, испорченный, Нолан.

– Не умничай, Лэнс. Разве тебя не привлекают прелести лучшей половины человечества?

– Я ещё не было у девиц лёгкого поведения... Хотя... я не ханжа, наверное, в общении с женщинами есть своя прелесть. Жалко, Хьюго с нами не поехал...

– Уехал на учения... Хотя я подозреваю, что он получил важное задание, уж очень лицо у него было величавое.

Зала для танцев была наполнена нарядно одетыми людьми с гордой осанкой, от которых исходил гул высокопарных разговоров.

Стояли вазоны вдоль стен. В нишах стен нарисованы восточные узоры.

Элизабет Кьюб сразу обратила внимание на юного фатоватого джентльмена – Лайнуса Стронгхольда, который напустил на себя чрезмерную важность.

Она шепнула Ингрид:

– У того джентльмена не лицо, а подобострастная маска. Отдавить бы ему ногу острым каблуком, чтоб эта надменная мина сменилась на перекошенную от боли и злости гримасу.

Та хмыкнула в ответ:

– Либби, даже если ты будешь прыгать по нему обеими ногами, он на тебя даже не взглянет: такие развитые формы, как у тебя в 15 лет, больше присущи пастушкам, чем леди. Это мой папенька, а твой дед, излишне тебя баловал, кормил сладким...

Элизабет обиделась на тётку и ушла в дальний угол, назло всем не стала танцевать, а принялась делать наброски на мольберте.

Эллери, как старший брат, благосклонно принял ухаживания Нолана Стронгхольда за своей сестрой.

Нолан зачарованно любовался во время вальса Ингрид. Её прекрасное лицо, как обычно, было грустно, а огромные карие глаза не смотрели на жениха даже искоса. Но молодой человек тешил себя надеждой, что, будучи его женой, Ингрид изменит свои приоритеты и полюбит его.

Эллери холёный, с томным взглядом, как довольный, раскормленный кот, вместе с женщинами часами обсуждал моду на текущий сезон.

Рут Виллалонга вздохнула и жаловалась матери:

– Мама, смогу ли я соответствовать такому напыщенному высокому идеалу, как распрямленный Эллери? Папа нас приучал к скромности, видимо, так оправдывая свою жадность.

– Сразу задавай другой ритм: главный человек в семье – жена, – поучала мать.

Либби Кьюб рисовала на холсте, не участвуя в танцах.

Миссис Вайолет Кьюб и миссис Багси Найт заунывно перечисляли все достоинства Элизабет, вызывая скуку у потенциального жениха. Стоявший неподалёку Лайнус невольно слушал.

Потенциальный жених заявил:

– Эта девушка не кажется невинной, наоборот, её внешность кричит об искущённости и бойком нраве.

Его мамаша поддакивала сынуле:

– Да и выглядит она слишком зрелой для своих юных лет.

– Талия далека от совершенства. У этой особы пагубные склонности к обжорству, – продолжал чернить кандидатуру невесты джентльмен.

Его мамаша и тут поддержала младшую ветвь рода:

– И это также говорит о неводержанности.

Миссис Вайолет Кьюб пыталась защитить подопечную:

– У девушки просто здоровый аппетит. Для будущей матери – это прекрасно.

– И очень разительно для бюджета семьи, – огрызнулся потенциальный жених, – Вон и на краски придётся раскошелиться...

Его мамаша укоряла матрон:

– Почему вы не ограничиваете Элизабет в еде?

– Как же обижать сироту? – растерялась миссис Кьюб.

Лайнусу захотелось предупредить Элизабет о недостойном женихе. Он подошёл к ней, якобы, чтобы рассмотреть картину. Девушка рисовала на холсте небо мрачными тонами кистью левой рукой, в правой руке у неё находился карандаш. Угроза вторжения на её территорию красивого юноши вызвала густую краску на её лице, она старалась не смотреть на зрителя. А у парня дух отчего-то перехватывал, когда художница слегка нагибалась и пышная грудь маячила у Лэнса перед глазами.

– Не уделите ли Вы мне немного внимания?– вопрошал Лайнус.

– Простите, я не танцую,– буркнула Либби.

– Я пришёл сообщить, что тот тип, который беседует с Вашей роднёй, Вас не достоин, он считает Вас толстой...и старой.

– Это я-то толстая? Этому семейству нужна девушка с пропорциями средневековых, замученных чумой и тифом, полуоблысевших особ без наличия груди, бровей и ресниц. А младше меня только дети.

Она вскинула свои огромные карие глаза на собеседника и по спине парня побежали мурашки.

Он сочувствовал ей:

– Не по себе, да? Когда на тебя глазают, оценивая?

– Но мне кажется: я с достоинством, благополучно преодолела это испытание. И пока эти мымры обсуждают мои достоинства и недостатки, я своеобразно им отомщу – нарисую на них шаржи.

Либби принялась рисовать карандашом комичные рожицы.

– Так вот как Вы расслабляетесь и отводите душу!– порадовался за неё юноша.

– Весело, да?

– Меня зовут Лайнус Стронгхольд. А Вы – мисс Элизабет Кьюб, верно?

– Да. Рада познакомиться. Но обычно для знакомства: надо быть представленным кем-нибудь другим.

К ним подошла миссис Багси Найт.

Женщина вполголоса выговаривала Либби:

– Нельзя разговаривать с незнакомцами да ещё без компаньонки. Чему тебя только учили? Элизабет, Вы рискуете потерять последнего жениха, а с Вашим небольшим приданным – это просто катастрофично. А что это Вы нарисовали? Боже мой! Репутация часто терпит крах из-за эксцентричности.

Элизабет оправдывалась:

– Ах, простите, леди Найт, такова моя визуализация, я вижу мир несколько иначе. И передайте тому педанту, который просится ко мне в женихи: если ему больше нравятся дистрофичные особы, которые еле-еле ноги таскают, падают в обморок и блюют для профилактики после каждого приёма пищи, то пусть к ним и идёт.

Пожилая аристократка едва сдерживала себя, она поучала:

– Милая, Вы недооцениваете столь изысканное общество.

– Рыгающее общество?– уточнила на всякий случай Либби, едва сдерживая смех.

Тётка побагровела и накинулась на Стронгхольда:

– А Вы, молодой человек, сплетник.

Лайнус оправдывался:

– Я из лучших побуждений уберёг девушку от такого монстра.

Миссис Найт обиженно говорила молодой особе:

– Надо запретить Вам, мисс Кьюб, рисовать, раз Вы выставляете людей в неприглядном свете.

Джентльмен вступился за молодую леди:

– Эти её художества – самовыражение в социуме, девушка ищет место в жизни. Вот сейчас она рисует лист, и посмотрите: как живо она изобразила жилку листа – рахис. Мисс Кьюб, как это Вам удаётся?

– Спросите о секретах творчества у Музы, – пожала плечами Элизабет.

Злопыхательница-матрона посоветовала:

– Пусть наше дарование изобразит Вас, молодой человек. В шарже, как и меня. Тогда я позволю Вам постоять возле неё ещё немного.

– Но разве во мне есть хоть что-то смешное? – усомнился Лэнс.

– Это не просто обожание себя, а эгоomanия какая-то, – засмеялась Либби.

– Ага, нарциссизм, – подыгрывал ей юноша.

Но на своём этюде Элизабет уверенно заводила карандашом. Лайнус с любопытством заглянул в её наброски с натуры.

– Вы изобразили мои черты лица более резко, чем они есть. И я в цветке нарцисса... Я действительно посоветовал бы Вам, мисс Кьюб, не изводить дорогие краски, ещё ни одна женщина не стала знаменитой художницей.

– Как Вы сведущи в этом вопросе! Вы не оставляете мне даже маленького шанса на творчество?

И она нарисовала Лэнсу кисточкой усы прямо на его лице. И захихикала. Юноша растерялся. Элизабет настоящая хулиганка!

– Как Вы бесцеремонно обошлись с этим молодым человеком! – чуть не завизжала миссис Найт.

Мистер Стронгхольд вытирал нарисованные усы платком. А Либби тем временем подрисовала на эскизе Лэнсу рожки.

Он пугал девушку:

– Мисс Кьюб, Вы будите самой ужасной женой на этом континенте: Вы пререкаетесь с поводом и без повода. Да ещё и нападаете на людей.

Элизабет, надсмехаясь, отбивалась:

– А, может, стоит мне завладеть мужем, как я сразу же начну вышивать крестиком, и на все приказы благоверного отвечать: «Да, дорогой»?

– Да, уж: милое, кроткое создание, – хмыкнул Лайнус.

И он выхватил из её руки кисть, нарисовал усы и Либби. Тоже рассмеялся.

Миссис Найт растерянно хлопала глазами, пребывая в ужасе.

Девушка, задыхаясь от возмущения, выговаривала:

– Это не просто злобная выходка, это – месть. Вот какой Вы мелочный, скардный тип.

– Берите выше – негодяй и преступник. А Вы так смешно надуете губы, как обиженный хомяк.

– Ах, как Вы внимательны к мелочам... Вы не джентльмен!

– Я всё же тешу себя надеждой, что всё же им являюсь. По праву рождения хотя бы... – настаивал на своём мистер Стронгхольд, провоцируя препирательства, – А вы, мисс Кьюб, будите рассказывать внукам целую эпопею о том, сколько женихов убежало от Вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.